

НА ПУТИ К ПЛАХЕ

Роман

Глава первая

МОНАРШЕЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

I

Мы приступаем к одному из самых печальных эпизодов истории вообще, и в особенности — хроники царствующих особ и государей. Бесплезно прибавлять тут что-нибудь — сами факты слишком ясно говорят за себя.

Вся жизнь несчастной шотландской королевы Марии Стюарт представляла собою цепь необыкновеннейших приключений, которые нередко встречаются в действительной жизни. Но последняя часть ее жизни, со времени ее вынужденного отказа от престола, превратилась в сплошную драму, и весь ее ужас только подчеркивался той медленностью развития, с которой эта драма шла к своему трагическому концу.

Мария Стюарт, потерпев поражение в своей попытке вернуть себе престол, покинула свою страну и вступила на английскую территорию у Виркингтона в Камберленде; навстречу ей явился губернатор Карлайла, доставивший ее в свой город со всеми приличествующими ее сану почестями.

В то время губернатором Карлайла был лорд Лаутер; он был настолько тактичен, что сразу отнесся к Марии Стюарт, как к коронованной особе. Он поспешил послать своей государыне донесение обо всем происшедшем, а пока окружил шотландскую королеву подобающими почестями. Но не успел еще он получить ответ на свое донесение, как к Марии прибыл гонец, вручивший ей письмо от

английской королевы; в этом письме Елизавета высказала ей свое участие и дала разрешение оставаться в Англии.

Это было последним солнечным лучом для Марии, последним обманчивым сиянием, последним миражом того, будто ее прежний ранг еще вызывал в Европе какое-либо уважение.

Действительно, вскоре после этого письма лорд Лаутер получил выговор за прием, устроенный им Марии, а вслед за этим появились лорд Скруп, начальник западных провинций, и Фрэнсис Кноллис, вице-канцлер Елизаветы, с инструкциями, касавшимися шотландской королевы. Им было поручено предупредить всех шерифов и мировых судей Камберленда, чтобы они ни в коем случае не допускали бегства Марии; затем они должны были передать ей новое письмо Елизаветы, содержание которого, в существенных чертах, было такое же, как и первое, но с прибавлением словесного поручения.

Двадцать девятого мая 1556 года Скруп и Кноллис были приняты Марией, передали ей письмо своей королевы и затем прибавили на словах, что Елизавета сожалеет о невозможности принять ее у себя, пока она не оправдается в подозрении, будто принимала участие в убийстве своего супруга.

Мария Стюарт разразилась слезами; в ее сердце зашевелилось подозрение о том, чего ей ожидать здесь в будущем.

— Господи боже! — воскликнула она.— Неужели это — ответ несчастной женщине, которая явилась с просьбой о помощи?

В тот же день прибыл отряд в пятьдесят солдат, которые должны были сторожить королеву; от нее удалили всех ее дам и слуг; в качестве компаньонки и смотрительницы к ней была приставлена леди Скруп. Мария уже не могла сомневаться, что попала в плен, но, все более убеждаясь в этом, она не теряла головы, а наоборот — проникалась мужеством и истинно королевским достоинством, что не могли отрицать в ней даже ее враги.

Она послала в Лондон лэрдов Геррьеса и Флеминга, чтобы они постарались там сделать что-нибудь для нее, кроме того, Флеминг должен был отправиться во Францию, чтобы испросить там заступничества и помощи. А тем временем к английской королеве обратился также регент Шотландии, лэрд Мюррей, и это обращение дало Елизавете возможность пойти намеченным заранее путем.

После долгого ожидания посланцы Марии получили аудиенцию у

английской королевы и передали ей мольбы, просьбы и пожелания своей повелительницы.

— Я от всего сердца жалею мою царственную сестру,— ответила Елизавета с притворной ласковостью,— но ее честь так же, как и моя, требует строжайшего расследования слухов, касающихся ее поведения.

— Ну а если, ваше величество,— обратился к королеве лэрд Геррьерс,— обстоятельства — упаси бог! — сложатся против шотландской королевы?

— Тогда я попытаюсь дать делу правильный ход.

— Моя повелительница желала бы, чтобы ей дали возможность переправиться на материк Европы, или же в крайнем случае пусть ей позволят вернуться в Шотландию в том же челноке, в котором она приехала в Англию.

— Я лучше знаю, чего требуют интересы моей царственной кузины,— возразила Елизавета,— и потому никогда не соглашусь на это.

Посланцы уехали из Лондона ни с чем.

С этого момента начался живой обмен письмами между английским правительством и графом Мюрреем, от которого в конце концов потребовали, чтобы он представил доказательства обвинений, предъявленных им королеве.

Теперь одну за другой стали принимать меры, направленные против Марии Стюарт. 13 июня 1556 года к несчастной королеве прибыл посол Елизаветы, лорд Мидльмор, в сопровождении Скрупа и Кноллиса. Марию ждало новое унижение, так как от нее потребовали, чтобы она подчинилась всем перипетиям правильного судебного процесса. Мария рассердилась и сама написала Елизавете письмо.

Марию стали содержать несравненно хуже, чем в первое время по приезде. Это вызвало представление французского и испанского посланников; однако Елизавета не приняла их.

Прошло еще два месяца в переговорах, и Мария наконец сдалась. Она согласилась, чтобы ее дело было рассмотрено специальной конференцией, состоявшей из назначенных Елизаветой комиссаров. С этой целью ее перевезли из Карлайла в замок Болтон в графстве Йорк. Тем временем в Шотландии воцарился мир, и Мария снова стала надеяться на благополучный исход.

Комиссия, назначенная Елизаветой, состояла из герцога Норфолка, графа Суссекс и сэра Садлера, канцлера Ланкастера.

В качестве представителей мятежников явились сам Мюррей, граф Мортон, архиепископ оркнейский, Питкэрн, лэрды Линдсей, Макгилл, Голхил, Майтленд и Бэченан. Защитниками Марии были епископ русский, лэрды Льюингстон, Бонд, Геррьес, Гамильтон, Гордон Лочинфер и Яков Кокберн

Прения членов комиссии, которые велись с обеих сторон с одинаковой страстностью и непорядочностью, не имели другого результата, кроме того, что Марию Стюарт 26 января 1569 года перевезли из Болтона в Тетбюри, где она была подвергнута еще более строгому заключению под надзором лорда Шрусбери. В общем, весь этот процесс превращался в какой-то грандиозный скандал, и Мария уже не могла сомневаться в истинных намерениях Елизаветы. После окончания работ конференции беспорядки в Шотландии вспыхнули с новой силой.

II

Выше мы упоминали имя герцога Норфолка; этому лорду тоже пришлось сыграть трагическую роль в событиях, ставших роковыми для шотландской королевы.

Леди Скруп, сестра герцога, бывшая в течение первого времени компаньонкой и надзирательницей Марии, поддерживала самую оживленную переписку с братом и неоднократно писала ему про красоту, образованность и симпатичность шотландской королевы. Это заинтересовало герцога, так как он и ранее слышал такие же восторженные отзывы от Суррея, которого укрывал у себя в первое время после изгнания.

Норфолк был очень честолюбив, владел громадными богатствами и состоял в родстве с первыми родами страны. После своего восшествия на престол Елизавета назначила его членом тайного совета, и герцог играл блестящую роль в столичном обществе.

Норфолка преследовало странное несчастье в браке. Тридцати двух лет он уже был в третий раз вдовцом и думай вступить в новый брак, когда Елизавета назначила его председателем конференции, которой поручено было разобраться в деле Марии Стюарт. Последняя особенно рассчитывала на его помощь, так как знала от его сестры, что герцог

постоянно выказывал особенно теплое участие к ее судьбе. Это натолкнуло Марию на мысль обратиться к Норфолку с письмом, а тот, в свою очередь, ответил ей. Эта переписка стала оживленной и регулярной, и у герцога мелькнула мысль просить руки пленной королевы.

Мы уже упоминали прежде о талантах и способностях регента Шотландии, графа Мюррея. Он отлично видел, какое могло бы создаться положение, если бы раздуть дело Марии Стюарт в том направлении, в каком желало английское правительство. Однако такого конца он совершенно не желал, а потому с радостью готов был найти какой-нибудь выход из создавшегося положения; он не особенно доверял Елизавете и хотел только мира для своего измученного отечества. Он с самого начала догадался о симпатии герцога Норфолка к Марии и принялся осторожно зондировать его, чтобы узнать, разумно ли будет сделать ему определенные предложения относительно судьбы шотландской королевы.

В этом отношении регента поддерживал секретарь Летингтон. Этот человек был соучастником в убийстве Дарнлея, но, будучи более искусным и ловким, чем остальные заговорщики, сумел добыть копии переписки Босуэла с Марией, вследствие чего, имея их в руках, представлял собою очень влиятельную величину; его боялся сам регент и напрасно старалась подкупить Елизавета.

Норфолк скоро разгадал этого человека и сумел перетянуть его на свою сторону. Посвященный в планы и скрытые намерения Мюррея, Летингтон устроил свидание обоих важных для него людей.

Разговор между Норфолком и Мюрреем начался с того, что первый пытался представить Шотландию ленным владением Англии. Но Мюррей доказал ему, что Шотландия никогда еще не была ничьим леном.

Затем Норфолк стал соболезновать о судьбе Марии Стюарт, и Мюррей выказал готовность содействовать улучшению ее, если бы для него самого и для Шотландии из этого могла получиться какая-нибудь выгода.

Оба отлично столковались по поводу этого вопроса, и Мюррей, прежний обвинитель Марии, теперь стал выказывать абсолютно пассивное отношение в представлении улики и доказательств обвинения, так что казалось, что Елизавете придется попасть в невыносимо

дурацкое положение.

Но недаром говорил Берлей о существовании у Елизаветы каких-то незримых ушей; это пришлось испытать на себе и герцогу Норфолку. Елизавета вызвала его к себе и высказала ему прямо в лицо, что знает о его намерении освободить Марию и жениться на ней.

Из осторожности Норфолку пришлось самыми страшными клятвами отрицать предъявленное ему обвинение. Но Елизавета не поверила ему. Она перенесла заседания комиссии в Вестминстер и назначила в нее еще новых членов, а именно: Бэкона, Арунделя, Лестера и секретаря Сесия. Таким образом Норфолк был связан по рукам и ногам, а Мюррей, убедившись, что Норфолк не может ничего сделать для него, выступил теперь снова под другой личиной.

Норфолк и Мюррей стали смертельными врагами. Видя, что все пропало, Норфолк решил поднять знамя восстания против своей государыни, стал вербовать приверженцев, и на первых порах это увенчалось успехом. Первыми к нему примкнули графы Арундель и Пемброк, Вестмидленд, Нортумберленд и лорд Ламлей. Графы Кумберленд, Бедфорд, Суссекс, Дерби и даже Лестер ответили, что они тоже не прочь поддержать заговорщиков, и это доказывало, насколько Елизавета оттолкнула от себя своим обращением всех пэров государства и какую опасную соперницу она приобрела себе в лице Марии Стюарт. Нечего и говорить, что это еще более раздуло ненависть Елизаветы.

Но если недовольных было так много, что их трудно было счесть, если посланники большинства государств намекнули на то, что на их правительства можно вполне рассчитывать, то такая голова, как Берлей, стоила всех их, вместе взятых, и основанное им учреждение, а именно «Звездная палата», быстро раскрыла все это дело.

О том, что против Елизаветы составляется заговор, распространившийся не только в Англии и Шотландии, но и почти по всей Европе, отлично знали как сама Елизавета, так и Берлей. Но в первое время в их руках не было никаких данных; и вот для того, чтобы получить их, Берлей учредил свою «Звездную палату». В те времена уже во всех государствах существовала тайная полиция, но не везде она работала так энергично, как в Англии.

По требованию Берлея к нему был командирован один из самых смелых и ловких агентов. Министр окинул агента с ног до головы взглядом и спросил:

— Как вас зовут?

— Пельдрам!

— Пельдрам? — пробормотал Берлей.— Я уже где-то слышал это имя... Почему вы поступили на службу «Звездной палаты»?

— Мне нужно свести свои счета с одним субъектом.

— В данном случае у нас есть дело поважнее. До меня дошли слухи, что затевается заговор, к которому примкнуло много высокопоставленных лиц. Я желаю узнать имена заговорщиков.

— Мы знаем их, милорд!

— Как? — даже вскочил с места Берлей.— Вы знаете? Так почему же до сих пор против этих лиц не возбуждено преследование?

— Нам не хватало улики.

— Тогда их надо добыть.

— Вы приказываете, и это будет сделано!

С этими словами наш старый знакомый Пельдрам оставил министра и немедленно отправился исполнять возложенное на него поручение.

Его план добыть улики отличался большой простотой. Он поскакал в город Линн, где помещался замок Норфолка, явился туда и, вызвав управляющего, заявил, будто до властей дошли слухи, что в замке незаконно томится в плену узник. В этот же момент к замку подскакал еще человек, назвавшийся тоже уполномоченным расследовать дело о незаконном задержании неизвестного узника в замке. Управляющему ничего не оставалось, как допустить их к обыску, и тут-то агентам удалось найти целую кипу компрометирующих Норфолка бумаг. Захватив их, они бешеным галопом понеслись обратно в Лондон. Но и управляющий тоже не зевал; он дал знать заговорщикам о происшедшем, и еще ранее того, как Берлей получил улики, заговорщики успели бежать на север.

Восстание разразилось, но благодаря тому, что весь план попал в руки властей, его удалось подавить в самом начале. Норфолк и некоторые другие заговорщики были под страхом смертной казни вытребованы на суд тайного совета и, как только явились в Лондон; были схвачены и немедленно посажены в Тауэр. Только графы Суссекс и Нортумберленд остались на местах и вступили в активную борьбу с английским правительством. Но эта борьба окончилась для них поражением; им пришлось бежать в Шотландию, где они и были арестованы вместе со многими своими приверженцами.

Таким образом, грозное восстание свелось к пустякам и дало только Елизавете большие выгоды; она не удовольствовалась своей победой, а приказала назначить строгий суд над мятежниками, благодаря чему ей удалось избавиться от многих нежелательных лиц; в одном только Дургэме было казнено более трехсот человек.

Во время этой гражданской войны в Англии и в Шотландии продолжалась борьба приверженцев королевы Марии против регента; однако в этой борьбе погиб самый жестокий враг и преследователь Марии — ее брат Джеймс Стюарт, лэрд Мюррей; он был убит 23 января 1570 года лордом Джеймсом Хепберном, лордом Босуэлом.

Смерть регента настолько ослабила его партию, или — как она называла себя — партию короля Иакова Шестого, что на некоторое время приверженцы Марии одержали верх.

Но тогда Елизавета приказала своим войскам, стоявшим на северной границе, двинуться в Шотландию, и тут они выступили в защиту партии Иакова Шестого. Возгорелся короткий, но ожесточенный бой, партия Марии была окончательно побеждена, мир был заключен, а... Елизавета осталась победительницей...

А в то самое время, как партия Марии была разгромлена, заговор графов подавлен, помощь от иностранных держав парализована, Мария Стюарт томилась в нежилом замке, как настоящая узница, как узница, которую Елизавета считала преступницей и преступления которой она считала себя вправе судить.

Но именно эта строгость, несчастье Марии, ропот остальных держав, смелость приверженцев Марии и деятельность самой Марии, проявленная ею в стенах своей тюрьмы, вызвали новый эпизод, которому мы и посвятим дальнейшие страницы.

Энтузиазм, вызванный сочувствием к страданиям Марии Стюарт, все разгорался и разгорался, и целых шестнадцать лет Елизавета не знала ни минуты покоя или отдыха.

Глава вторая

ЧЕТСУОРТ

В 1570 году Марию Стюарт перевезли из Тетбюри в Четсуорт в графстве Дерби. Весь этот год прошел в переговорах; их вела Елизавета с лицемерной целью вернуть Марии Стюарт шотландский трон. Но из этих переговоров ничего не вышло, да сверх того казалось, что и Франция окончательно отступилась от Марии Стюарт.

В это время в Лондоне разразилась чума, которая проникла также и в Тауэр, где томился в заключении Норфолк.

Он и Мария ухитрялись и из тюрьмы продолжать начатую еще ранее переписку: когда Мария Стюарт увидела, что Франция отказалась помогать ей, то она обратилась с просьбой о помощи к Филиппу Второму Испанскому, и Норфолк знал об этом.

Но об этом знала и Елизавета. Она приказала ввиду чумы выпустить Норфолка из Тауэра, но сослала его в замок Линн, где он должен был жить безвыездно под надзором двух агентов «Звездной палаты». Кроме того, пред своим отъездом из Лондона он должен был обещать, что не станет впредь поддерживать с Марией Стюарт никаких сношений; он поклялся в этом своим честным словом и, кроме того, дал подписку с приложением своей печати, но в то же время в душе был полон твердого намерения не сдерживать этого обещания. Затем он был отправлен в Линн, куда и прибыл зимой 1570/71 года.

С этого момента и начались те события, намек на которые сделан в предыдущей главе.

В один из пасмурных мартовских дней четверо всадников переезжали границу графства Дерби, направляясь к Четсуорту. Они не торопились, хотя дождь и лил как из ведра.

По внешнему виду этих всадников можно было принять за купцов или торговцев, которые в то время постоянно колесили с дорожным мешком за спиной по всей Англии. Мы же узнали бы в этих всадниках наших старых знакомых — Суррея, Брая, Филли и Джонстона; Филли тоже была в мужском платье, в котором чувствовала себя почти свободнее, чем в женском.

С тех пор как Филли убедилась в подлости Лестера, в ней произошел громадный внутренний переворот. Как когда-то прежде, она была готова на все из-за любви к Лестеру, так теперь из благодарности к Суррею и Браю способна была пожертвовать чем угодно. Ведь она знала, какую жертву принесли ей они, и умела ценить ее.

Суррей, отправившийся после изгнания в Шотландию, нашел случай примириться с Георгом Сейтоном и получил от него разрешение посвататься за Джейн. Теперь, вопреки запрещению королевы Елизаветы, он опять возвращался в Англию, чтобы попытаться сделать все возможное для шотландской королевы и — в случае возможности — также для своего родственника, герцога Норфолка.

Что касается Брая, то было довольно трудно разобраться, чего ради он опять стремился вступить на английскую территорию. Для этого было слишком много оснований, и если принять во внимание силу его привязанности к Филли, то легко согласиться, что она должна была быть главным среди них.

Джонстон рад был новому приключению.

Все четверо отправлялись теперь в Четсуорт, куда и прибыли к вечеру, когда почти уже совершенно стемнело. Там они остановились в харчевне сомнительного вида.

Марию Стюарт стерегли очень строго: она была лишена многих насущнейших удобств, но жестокость в отношении ее не простиралась настолько далеко, чтобы ее лишили возможности общаться с кем угодно. В то время относительно этого еще не было отдано специальных распоряжений, а ее стражи чувствовали к ней достаточно уважения, чтобы не принимать более строгих мер, чем те, которые вызывались необходимостью. Поэтому, когда Филли знаками выразила желание предложить лицам свиты и придворным дамам разные безделушки для продажи, то ее желание было сейчас же исполнено, тем более что ее печальный физический недостаток отгонял всякие подозрения. В скором времени молодого немого торговца окружили покупатели и любопытные, среди которых, разумеется, были и лица стражи.

Тем не менее Филли удалось передать Джейн Сейтон три письма, из которых одно было от Суррея к королеве, а остальные оба — ей самой, от Суррея и ее брата.

Как только Филли ушла, Джейн Сейтон поспешила к королеве.

Нельзя описать радость последней, когда она узнала, какие лица опять оказались вблизи от нее с готовностью оказать ей помощь. Она торопливо вскрыла письмо Суррея и ответила ему этой же ночью; кроме того, она написала еще два письма — епископу росскому и герцогу Норфолку, оба шифрованные; эти письма Джейн должна была ухитриться передать Филли.

В то время как Мария Стюарт писала письма, возбужденная радостной надеждой, Джейн была задумчива и грустна; но в конце концов и она тоже написала свои письма, и когда Филли появилась на следующий день, то ей было вручено четыре письма, с которыми она и вернулась к своим спутникам.

Суррей получил письма и прочел оба, адресованные ему лично. Королева благодарила его за предложение своих услуг и верность, просила отвезти остальные письма сообразно прилагаемым инструкциям и выражала согласие принять к себе в услужение Тони Ламберт, как это предлагал Суррей.

Джейн же написала, что сочла бы за измену сестре, если бы приняла предложение Суррея вступить с ним в брак, почему и вынуждена самым решительным образом отклонить таковое.

На один момент граф Суррей закрыл свое лицо руками и тяжело вздохнул; но вскоре он уже оправился.

— Сэр Брай,— спокойно сказал он,— мы оба поедем с вами ночью дальше, а Филли и Джонстон останутся здесь; как только Тони прибудет сюда, Филли поведет ее к королеве и вообще постарается поддерживать постоянное сообщение с замком.

Филли утвердительно кивнула головой, и все четверо принялись за ужин. После еды Суррей и Брай сели на лошадей, оставили Четсуорт и поскакали в Лондон, куда прибыли через несколько дней.

Уже в Лондоне Суррей узнал, что герцог Норфолк выпущен из Тауэра и находится в Линне; поэтому он отправился в городской дом Норфолка, отыскал там секретаря герцога, некоего Баркера, открылся ему и узнал подробности о положении Норфолка. По счастливой случайности секретарь, рассказывая, как сторожат герцога, упомянул имя Пельдрама, и хотя Суррей и не мог положительно сказать, что это — непременно тот самый Пельдрам, который служил Лестеру, но, во всяком случае, он отказался от мысли лично отправиться в Линн. Поэтому ему пришлось решиться вручить Баркеру письмо королевы для

передачи его Норфолку, и секретарь в тот же день выехал из Лондона.

Герцог был страшно доволен, получив письмо. Он поблагодарил Баркера, приказал ему отдохнуть, пока будет готов ответ, а сам позвал своего старшего секретаря, Гайфорда, которому и приказал расшифровать письмо Марии.

Оказалось, что Мария сообщала ему о предпринятых ею шагах. Она написала испанскому королю, так как считала его помощь безусловно необходимой, но Норфолк должен был дать слово перейти в католичество и написать ей, насколько можно рассчитывать на поддержку английской аристократии. Затем герцог должен был сообщить ей, какое количество вооруженных людей ему необходимо для поддержки. Обо всем этом герцог должен был, кроме того, написать особо епископу росскому.

Норфолк сейчас же приказал Гайфорду написать требуемые письма. Он выразил согласие на переход в католичество и полную уверенность в поддержке большинства представителей английской знати, так как все они придерживаются католической религии. Сам он мог бы выставить 20 тысяч пеших и 3 тысячи конных солдат, а для поддержки ему нужно было бы еще 6 тысяч стрелков, 25 пушек, 2 тысячи кирас, 4 тысячи ружей; если бы оказалось возможным доставить 10 тысяч людей, то это было бы еще лучше. А главное — главное надо было денег, денег и денег!

Затем, приказав сжечь полученные письма, герцог позвал Баркера и вручил ему оба своих ответных письма.

Брай тоже был не менее осторожен, чем Суррей. Он отправился во дворец к графине Гертфорд и попросил ее съездить к епископу росскому, жившему в Лондоне в качестве представителя интересов Марии, и испросить для него аудиенцию. Графиня не встретила в этом никаких затруднений и вскоре явилась с ответом, что епископ ожидает Брая. Последний отправился к нему.

Епископ принял Брая очень любезно, выказал полную готовность пойти навстречу желаниям королевы Марии и попросил Брая еще раз навестить к нему.

Как только Брай ушел, епископ вышел из своего дома и направился в Сити; здесь он вошел в один из домов, который, судя по вывеске, был банкирской конторой.

Банкир Ридольфи, директор итальянской промышленной компании в

Лондоне, флорентиец по рождению и родственник семьи Медичи, был очень богатым человеком. Его главная деятельность заключалась в защите интересов папы, тайным агентом которого он был; Ридольфи состоял кредитором на крупные суммы многих важных особ и таким образом держал их в руках. Он был тоже замешан в заговоре против королевы Елизаветы и долгое время просидел в тюрьме, откуда его выпустили под залог в тысячу фунтов. К этому-то человеку и отправился теперь епископ русский, чтобы поговорить с ним.

Для беседы оба они прошли в потайной кабинет Ридольфи, где епископ первым делом сообщил банкиру содержание письма королевы Марии.

— Необходимо отправить в Испанию верного человека,— продолжал он,— и я выбрал для этого вас!

— А я готов отправиться,— ответил итальянец.

— Хорошо!

От банкира епископ отправился к испанскому посланнику, дону Джеральдо Эспаль, чтобы получить для своего посланца необходимый паспорт и рекомендации. Он получил все требуемое, и теперь все дело было за письмом, которое Ридольфи должен был передать испанскому королю Филиппу Второму.

Баркер вернулся в Лондон и отыскал Суррея в гостинице, где тот остановился.

— Милорд,— сказал он,— герцог Норфолк приказал вам кланяться и благодарить. Мне, разумеется, не надо рекомендовать вам осторожность при выполнении всего этого предприятия?

— О, разумеется, нет,— ответил Суррей.— Ну а что вы привезли?

— Два письма, которые вы должны передать по назначению.

— Давайте их!

— Вот они.

Суррей взял письма, простился с секретарем и отправился с Браем к епископу русскому.

Последний очень любезно принял графа, поблагодарил за содействие и обещал быстро и надежно передать письма по назначению.

Оба вышли из дворца, и Суррей отправил Брая с письмом к королеве Марии. С своей стороны, епископ поспешил отправить своего посланца, и в тот же день итальянец выехал с важным документом из Лондона.

Так закончилось введение к одному из самых важных заговоров

против Елизаветы.

Глава третья

ВЫСШАЯ ПОЛИТИКА

Мы уже упоминали выше, что Франция внезапно отказалась поддерживать Марию Стюарт. Это могло бы показаться странным, если бы для этого не было веских причин, таившихся в закулисной дипломатической работе.

Дело в том, что около этого времени Франция снова завязала переговоры с Берлеем относительно возможности замужества Елизаветы с одним из французских принцев. Пока еще эти переговоры велись на словах и неофициально, так как Берлей заявил, что он не считает момента подходящим для открытого обсуждения возможности такого политического брака. Но он понимал, что в последнее время Англия сильно обеднела, что чума и голод последних лет ослабили ее силы, а намерения Испании не были для него тайной. Поэтому он считал необходимым дать французскому посланнику надежду на скорое и благоприятное разрешение этого вопроса, потребовав взамен, чтобы Франция отказалась от активного заступничества за Марию Стюарт.

Берлей помнил клятву, данную в его присутствии Елизаветой,— клятву о том, что она никогда не выйдет замуж, и не предполагал, что она нарушит ее. Впрочем, нарушение клятвы вовсе и не входило в его планы; как хитрый дипломат, он просто хотел использовать все благоприятное значение момента.

Следуя задуманному плану, он сначала отправился к графу Лестеру, высказал ему, в каком затруднительном положении находится сейчас страна, и потом рассказал о предложении французского посланника, графа д'Обиспена, заключить вечный и нерушимый мир с Францией. Так как подобные миры заключались неоднократно, но обыкновенно вскоре нарушались, то залогом прочности данного мира должен был быть брак королевы Елизаветы с графом Анжуйским. В заключение Берлей предложил Лестеру поговорить об этом с Елизаветой.

Как ни неприятно было подобное поручение Лестеру, но он должен был взяться за него. Он понимал, что именно в его устах подобное предложение должно было показаться Елизавете особенно

оскорбительным, но надеялся вызвать в ней вспышку гнева, которую легко было бы потом перевести в приступ былой нежности. Быть может, все прошлое будет тогда окончательно забыто? Быть может, Елизавета все-таки склонится к мысли о браке с ним, Лестером?

Но, даже если последнему не бывать, все же он не в силах был оставаться в таком положении, в котором он очутился после раскрытия всей его истории с Филли. Правда, наружно он как бы сохранил полную власть и влияние, но на самом деле Елизавета обращалась с ним теперь презрительно и высокомерно, и, когда они оставались наедине, он даже не осмеливался приблизиться к ней. Теперь можно было вызвать ее на резкую сцену, а если она даже и рассердится, то ему легко будет указать, что это Берлей попросил его заговорить с королевой о данном деле, а он, Лестер, как лицо, стоящее к ней ближе всех, не счел себя вправе выдвигать личные чувства и забывать ради них выгоду государства.

С этими мыслями Лестер отправился во дворец, чтобы присутствовать на утренней аудиенции; по окончании ее он последовал за королевой в ее апартаменты и остановился там в молчаливом ожидании на пороге.

Вскоре ему представилась возможность заговорить с Елизаветой, отвечая на брошенное ею замечание по поводу чумы. С этого замечания Лестер перешел на внутреннее положение Англии, а затем — на иностранную политику. В конце концов он подошел к вопросу о возможности вечного мира с Францией и высказал, каким образом этот мир мог быть осуществлен.

Услышав, что Лестер предлагает ей замужество с французским принцем, Елизавета вскочила, как ужаленная. Ее глаза метали молнии, лицо пламенело гневом, руки судорожно сжимались в кулаки. Это был опасный момент, и Лестер хорошо сознавал это.

— Милорд,— дрожа от гнева, воскликнула королева,— вот уже два раза вы рисковали на такие вещи, которые заставляли меня предполагать, что вы смотрите на свои отношения ко мне, как на легкомысленную интрижку с распутной бабой. Теперь вы, кажется, в третий раз решаетесь на это?

— Ваше величество, я думал, что вы этого никак не заподозрите! Если я рискнул передать вам это предложение, которое исходит от милорда Берлея, то только потому, что лорд Сесиль хотел сначала

видеть, какое впечатление может произвести это на ваше величество, а уже потом сделать вам официальный доклад.

Елизавета задумалась; ее гнев несколько улегся, а в глазах, обращенных на графа Лестера, теперь виднелась только глубокая скорбь.

— Вы обсуждали с Берлеем этот вопрос? — спросила она.

— Да, ваше величество.

— И что вы сказали по этому поводу?

— Я высказал, что вечный и нерушимый мир с Францией настолько неизмеримо важнее моих личных чувств, что о последних и речи быть не может...

— Ах, Дэдлей, и вы, вы...

Лестер вскочил с колен, а затем, бросившись к королеве, схватил ее руку и запечатлел на ней страстный поцелуй. Но, словно ужаленная змеей, Елизавета отскочила назад.

— Довольно! — холодно сказала она ему. — Между нами не должно быть больше подобных глупостей! Ступайте! Я подумаю на досуге об этом деле.

Когда Лестер рассказал Берлею о происшедшей сцене, тот улыбнулся тонкой улыбкой, а затем, поблагодарив Лестера, отправился прямо к французскому послу и заявил ему, что теперь он, Берлей, может принять официальное представление об интересующем их предмете.

На следующий день лорд имел продолжительный разговор с Елизаветой. Он доказывал ей, что согласие в сущности ни к чему не обязывает, что переговоры можно будет затянуть года на два, а в течение этого времени Англия оправится и не будет уже нуждаться в помощи Франции. Иначе же их положение может стать затруднительным; со стороны Испании надвигается гроза, и уже теперь надо готовить флот, способный дать ей отпор. Если под предлогом заступничества за Марию Стюарт в дело вмешается еще и Франция, то Англии придется слишком трудно, тут же, пока переговоры будут вестись, Франция будет держаться строгого нейтралитета. В конце концов Елизавета согласилась с этим, и было решено передать французскому посланнику, что его предложение встречено королевой очень милостиво.

Таким образом, благодаря тонкому политическому шагу Берлея, Мария Стюарт потеряла надежду на поддержку с той стороны, с

которой могла ожидать ее больше всего.

Глава четвертая

СОВЕЩАНИЕ В ЭСКУРИАЛЕ

Теперь перенесемся на момент в Испанию, чтобы посмотреть, какое значение имела Испания в затеянном заговоре против королевы Елизаветы.

Можно было счесть за дурное предзнаменование, что совещание о судьбе Марии Стюарт происходило как раз в Эскуриале, в гигантской усыпальнице испанских королей, построенной Филиппом Вторым.

Ридольфи, посланец заговорщиков, прибыл в Мадрид, а 5 июля 1571 года. Филипп Второй дал ему тайную аудиенцию; при последней присутствовал лишь один министр, который просмотрел верительные грамоты и рекомендательные письма итальянца. В качестве их банкир Ридольфи представил нижеследующее: во-первых — письмо испанского посланника в Лондоне, дона Джеральдо Эспаля, во-вторых— письмо от герцога Альбы, в котором тот писал, что Ридольфи можно смело довериться, и наконец письмо от римского папы Пия Пятого, в котором стояло:

«Наш возлюбленный сын, Роберт Ридольфи, представит Вам, Ваше Величество, с Божьей помощью, суждения о некоторых делах, которые могут значительно помочь делу христианства и послужить во славу Божию. Мы просим Вас, Ваше Величество, в этом отношении подарить Ридольфи полнейшее доверие и закликаем Вас, памятуя о Вашем выдающемся рвении к интересам церкви, принять участие в его предложениях и сделать в этом отношении все, что покажется возможным Вам. Мы просим Вас, Ваше Величество, подвергнуть все это дело зрелому размышлению и от глубины сердца молимся Спасителю о ниспослании удачи всем Вашим делам и начинаниям».

Затем Ридольфи передал письмо герцога Норфолка и различные словесные поручения заговорщиков, согласно тому, что сообщил ему епископ русский.

Через день, 7 июля, было назначено совещание; оно, как мы уже упоминали, состоялось в Эскуриале.

Король открыл заседание речью, в которой изложил цель созыва

присутствующим, а затем предложил собравшимся просмотреть все документы, относящиеся к данному делу, и высказать свое мнение.

Просмотр документов не вызвал ни у кого особенных возражений. Только по поводу писем папы и герцога Норфолка Филипп Второй заметил, что в настоящее время его королевская сокровищница пуста, так что этим он служить не может.

Затем было прочтено письмо Марии Стюарт, в котором было написано:

«Пусть тайный совет испанского короля, защитника и опоры католической церкви, не откажет в своей помощи если не ради меня, то дабы поставить весь остров (Англию) под покров и защиту высокого повелителя и короля».

Затем прочли письмо дона Жуана Цуниги, испанского посланника при папском дворе; тот доносил, что счел себя обязанным представить папе все затруднения, связанные с данным делом, и предостеречь его от излишнего доверия к посреднику переговоров.

В письме Альбы к герцогу Ферия было коротко и определенно сказано, что предприятие слишком трудно и не может удасться хотя бы потому, что оно вверено дураку и болтуну, каким он считает Ридольфи.

Оба документа рекомендовали осторожность по отношению к Ридольфи, но зато очень серьезное значение имело состоявшее из двадцати страниц письмо герцога Альбы из Нидерландов к самому королю Филиппу. В нем он написал между прочим своему повелителю:

«Сострадание и интерес, которые должно внушить Вам, Ваше Величество, недостойное обращение с королевой шотландской и ее сторонниками; возлагаемая на Вас Богом обязанность содействовать по возможности победе и восстановлению католицизма в Англии; оскорбления, нанесенные в различных видах королевой английской Вам, Ваше Величество, и Вашим подданным, не оставляющие никакой надежды на улучшение отношений при ее царствовании,— все эти причины заставляют меня признать план королевы шотландской и герцога Норфолка, при его удачном исполнении, наиболее пригодным для отвращения зла».

Затем Альба разъяснял все трудности выполнения плана и тут же учитывал все последствия его преждевременного раскрытия, причем написал следующее:

«А если тайна не будет сохранена, то все предприятие рухнет и

жизни королевы шотландской, равно как и герцогу Норфолку, будет грозить большая опасность. Королева английская найдет в этом давно ожидаемый ею повод отделаться от Марии Стюарт и ее приверженцев, католическая же религия будет навсегда погублена для всей страны, и во всем этом будете виноваты Вы, Ваше Величество.

Вследствие этого никто не может посоветовать Вам, Ваше Величество, дать свое согласие на требуемое содействие в указываемой форме. Но, если бы королева английская умерла естественной или другой смертью, или если бы ее захватили без Вашего влияния, я ничего не имел бы против этого. Переговоры между королевой английской и герцогом Анжуйским прекратились бы, французы менее боялись бы Ваших замыслов завладеть Англией, а немцы стали бы менее подозрительны, видя, что Вы, Ваше Величество, не имеете другой цели, как только поддержать королеву шотландскую в ее правах на английский престол против других претендентов. Тогда справиться с последними было бы легко, еще до вмешательства других коронованных особ, так как можно было бы воспользоваться выгодной позицией во владениях герцога Норфолка и высадить требуемые шесть тысяч солдат не только по прошествии сорока дней, в течение которых Норфолк предполагает продержаться один, но и в тридцать, даже в двадцать пять дней».

Герцог Альба, этот палач Нидерландов, как видно из этого письма, лишь осторожно намекал на возможность другой смерти для королевы английской, кроме естественной, словно он совсем не был посвящен в эту часть плана заговорщиков.

Тем яснее говорил протокол совещания с Ридольфи. Из него видно, что для заговорщиков было три пути для достижения цели, а именно: 1) возбуждение восстания, поддержка этого восстания Филиппом II и по возможности честный бой; 2) захват королевы английской, восстание, бой, и 3) убийство Елизаветы, уничтожение ее партии. Результатом этих трех случаев, при благополучном исходе дела, было бы возведение Марии Стюарт на трон трех соединенных государств — Англии, Шотландии и Ирландии. Кроме того, в своих разъяснениях Ридольфи повторил обещания Марии, а также Норфолка и других заговорщиков.

Когда совет в такой форме ознакомился с делом, король, предложив Ридольфи уйти, пригласил своих советчиков высказать свое мнение. Большинство высказалось против оказания помощи заговорщикам.

Тогда Филипп II, после долгого молчания, велел позвать Ридольфи и объявил ему, чтобы он написал Марии Стюарт, Норфолку и епископу русскому, что он, король, даст необходимые приказания, а одновременно приказал написать испанскому послу в Лондон, чтобы тот остерегался и не входил в слишком близкие сношения с заговорщиками.

Герцогу Альбе он написал сам:

«Так как Вы твердо убеждены, что нам нет расчета принимать слишком близкое участие в этом деле, пока союзники не выступят в должной силе, и так как мне известна Ваша мудрая заботливость, то я полагаюсь всецело на Вас, дабы Вы, после зрелого обсуждения, служа Богу и мне, поступили, как находите лучшим. Я же уверен, что Вы поведете это большое предприятие с усердием, стойкостью и мудростью».

Ридольфи еще на несколько времени был задержан в Испании, а затем отправился в Брюссель, где имел различные совещания с Альбой; последний не доверял ему и осторожно обещал послать подкрепления только в таком случае, если в Англии разыграется настоящее дело. Ридольфи находился в очень трудном положении: его доверители побуждали его действовать, Альба же не обнаруживал никакой уступчивости; наконец епископ русский потребовал определенных донесений о ходе его деятельности и указал ему на одну личность, которая бралась доставлять ему эти донесения.

Ридольфи изложил свой отчет шифрами и, кроме того, передал указанному лицу письма к Марии Стюарт, Норфолку, графу Ламлею и дону Эспалю.

Человек, взявшийся за передачу писем, назывался Карлом Балльи и был родом фламандец; в Брюсселе он достал для епископа русского шифрованную азбуку, которая должна была служить союзникам при их письменных сношениях.

Балльи выехал из Голландии и прибыл в гавань Дувр. Когда причаливали к берегу, он позвал своего лакея, а так как тот не являлся, он пошел искать его и нашел молодца спрятанным в пьяном виде. Балльи велел ему подняться наверх, взять сундук и следовать за ним.

— Вот еще! — воскликнул лакей.— Мне следовать за вами, мне нести ваш сундук? Несите сами свой сундук и убирайтесь к черту! Я — англичанин, сэр Сельд, и всегда имел более значения, чем вы! Ну, что

вам еще нужно?

Балльи не мог сдержать себя и ударил лакея. Тот ответил ему тем же, и тотчас же началась бешеная потасовка, послужившая большим развлечением для матросов и пассажиров.

Тем временем в Балльи был признан иностранец, и на него посыпались угрозы, заставившие его прибегнуть к защите полиции; последняя задержала его и препроводила в адмиралтейство, где жил губернатор пяти портовых городов — лорд Кобгем.

Происшествие, по-видимому, совершенно незначительное, приняло более серьезный характер, и лорд велел привести к себе и Балльи и его лакея, желая выслушать их.

Первым дал свои объяснения Балльи.

— Прекрасно,— дерзко возразил лакей,— этот человек — шпион, изменник, бунтовщик, ведущий преступные переговоры с палачом Альбой в Нидерландах.

Балльи испугался.

— А кто вы? — спросил лорд Кобгем лакея.

— Меня зовут Кингстоном,— ответил лакей.— Милорд Лестер знает меня и удостоверит мою личность, если вы найдете нужным сообщить ему обо мне. Но вот этот человек,— указал он на Балльи,— имеет при себе важные бумаги; прикажите обыскать его.

В это время с обыском стеснялись менее, чем теперь. Сундук Балльи был осмотрен, пакет с депешами найден, а так как зашифрованное письмо показалось подозрительным, то Балльи и Кингстон были задержаны.

Лорд Кобгем послал об этом донесение в Лондон.

Между тем епископ русский, с нетерпением ожидавший своего агента, поехал ему навстречу в Дувр. Здесь он вскоре узнал о задержании Балльи и отправился к Кобгему, с которым он случайно был знаком.

— Милорд,— сказал он после первого приветствия,— вы арестовали человека, который находится у меня на службе.

— И не думал, сэр,— ответил Кобгем.

— Да, вы арестовали фламандца Балльи; у него находятся мои вещи, и я прошу вас вернуть их мне, если его не отпустят на свободу.

— Последнего не будет, так как против него есть обвинение.

— А мои вещи?

— Они будут вам возвращены. Вон там стоит сундук; отыщите свои

вещи сами.

Губернатор либо был слишком занят, либо питал слишком много доверия к епископу, или — это самое вероятное — состоял в заговоре с ним, так как последний спокойно взял свой пакет с письмами и удалился.

По приказу из Лондона Балльи и Кингстон вскоре были отправлены туда и заключены в Тауэр. К несчастью, у Балльи нашли записку от епископа русского, в которой он уведомлял его, что письма получил обратно, и предостерегал его не изменять общему делу.

Это было серьезным успехом для Берлея, и он велел под пыткой допросить заключенного.

Балльи открыл все, что знал, и рассказал о переписке епископа русского с Ридольфи и о сношениях последнего с герцогом Альба. Этого было достаточно, чтобы арестовать епископа и произвести у него домашний обыск. Хитрый епископ сумел устроиться так, что у него ничего не нашли, тем не менее было решено подвергнуть его допросу, и его объяснения должны были выслушать четыре члена государственного совета.

— Я не признаю этого суда,— гордо объявил епископ,— так как обязан отчетом только моей повелительнице, королеве шотландской. Я нахожусь в Лондоне и признан здесь ее послом. Мое задержание я нахожу незаконным.

Это было справедливо, и потому от допроса пришлось отказаться.

Так как после различных попыток от епископа все-таки ничего не узнали, то Берлей приказал оставить его в заключении, под стражей двух дворян.

Берлей знал теперь о существовании заговора, но не открыл его цели и имен заговорщиков. Он долго думал об этом деле и вдруг вспомнил о Пельдраме, уже однажды оказавшем ему большую услугу. Поэтому он тотчас послал ему в Линн приказ явиться к нему в Лондон. Четыре дня спустя Пельдрам был в приемной лорда Берлея, ожидая его распооужений.

Глава пятая

ОТКРЫТИЕ

Едва первому министру Елизаветы доложили, что в приемной ожидает некий Пельдрам, как тот быстро вскочил и велел впустить ожидавшего. Пельдрам вошел; Берлей приказал присутствовавшему в комнате секретарю удалиться, а сам стал пред вошедшим и устремил на него пытливый взор. Пельдрам храбро выдержал этот взгляд и спокойно ждал, чтобы министр заговорил с ним.

— Сэр Пельдрам,— наконец начал Берлей,— как вам живется в замке Линн?

— Очень спокойно,— ответил Пельдрам.— Мне редко приходилось вести столь мирную жизнь.

— А что делает герцог?

— О нем нельзя сказать ничего особенного; он гуляет, ездит верхом, катается, охотится, разговаривает со своими служащими.

— Принимает ли он посторонних?

— Никогда.

— Ведет ли он корреспонденцию?

— Несомненно!

— Кому поручаются для отправки его письма?

— Его лакеям. Но ведь был определенный приказ не мешать ни в чем этим последним при исполнении их обязанностей.

— Я знаю это; но ловкий человек должен двойственно понимать всякий приказ.

— А-а! Ну, я сомневаюсь, чтобы лакеи были посвящены в тайны герцога.

— Но можно было бы узнать адреса писем, отправляемых герцогом.

— Их я знаю, милорд.

— Значит, вы все же проявили зоркость. Ну, я потом попрошу назвать мне имена адресатов, а теперь скажите: как вы отнесетесь к известию, что ваш друг Кингстон посажен мной в тюрьму?

— Слава богу, милорд! Я думаю, что он не должен выйти из нее иначе, чем для дороги на виселицу.

— Дело обстоит приблизительно так. Но слушайте дальше! Кингстон был лакеем у некоего Балльи, взявшего секретные письма к епископу росскому. Господин и слуга были задержаны, а их бумаги конфискованы, но исчезли необъяснимым образом. Епископ, получивший эти бумаги, арестован, но у него ничего не нашли. Балльи сознался, что епископ через итальянца Ридольфи состоит в сношениях с герцогом Альбой. Это что-нибудь да означает. Очевидно, есть заговор, и вы должны выяснить мне его.

— Эта задача нелегка!

— Вы правы, но я выдам вам Кингстона, а вы мне взамен — заговорщиков.

— Из-за головы Кингстона стоит постараться.

— Меня очень удивило бы, если бы герцог не был замешан в деле; назовите мне людей, которым он адресует свои письма.

— Большею частью своему секретарю Баркеру, живущему здесь, в Лондоне, затем Ламлею, Саутгемптону и Перси.

— Так, так! Было бы хорошо, если бы вы послали верного человека в Четсуорт, так как настоящего главаря заговора, несомненно, надо искать там.

— Я буду наблюдать за этим уголком.

— Хорошо!.. Я вскоре буду ожидать ваших сообщений. Теперь идите!..

Пельдрам раскланялся и вышел из комнаты. В глубоком раздумье он покинул дом и направился по улице, но через некоторое время снова поднял поникшую голову и увидел себя против дома французского посла. Затем он увидел еще больше.

В это время из дома вышел секретарь Норфолка Баркер, робко осмотрелся кругом, а потом поспешно удалился.

Это обстоятельство имело очень важное значение для Пельдрама; без долгих рассуждений он отправился ко дворцу Норфолка в Лондоне и, став поблизости, стал наблюдать. Уже через полчаса он увидел секретаря, отъезжающего верхом.

Дела Пельдрама были окончены, и вследствие этого он поспешил в свою квартиру, велел оседлать лошадь и последовал за Баркером, который, судя по его расчетам, мог ехать только к своему господину. Но, прежде чем он оставил Лондон за собой, ему пришлось встретиться еще с одним человеком, и эта встреча крайне поразила его. Это был